

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 12.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЯПОНИИ И КОРЕИ
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF JAPAN AND KOREA

Е.Э.Войтишек
(НГУ, Новосибирск)

Развлечения и игры в чайном искусстве Японии¹

Традиционные элитарные развлечения в искусстве чая имеют в Японии давнюю историю. Развитие этого искусства во многом шло параллельно с развитием искусства аранжировки цветов и составления благовоний. В ходе проведения чайной церемонии, учитывая способность чайных листьев к «впитыванию» запахов, для ароматизации помещения зачастую возжигают благовония, а само помещение украшают подходящей сезону цветочной композицией. Поэтому эстетические категории, принятые в этих видах искусства, являются идентичными, что наглядно демонстрируется в традиционных развлечениях.

В Японии искусство чая как способ воспитания духа и изучения ритуалов так же, как в Китае, первоначально имело отношение к так называемым «чайным поединкам» 闘茶 то:тя. По мере распространения чая и культуры чаепития в Японии (XIV–XVI вв.) данное развлечение стало приобретать большую популярность в среде аристократов, самураев и монахов. В настоящее время такие развлечения практикуются при чайных клубах в разных регионах Японии, среди которых наибольшей популярностью пользуется чайное соревнование, называющееся «ритуал Гэндзи».

В настоящее время развлечения, принятые в искусстве чая в Японии, связаны с понятием 七事式 ситидзи-сики (букв. «семь ритуалов») и подчиняются определенным принципам, которые были разработаны известными чайными мастерами еще в раннем Средневековье наряду с категорией «десяти добродетелей чая» (茶の十徳 тя-но дзиттоку).

«Семь ритуалов», возникнув в рамках школ Урасэнкэ и Омотэсэнкэ как изысканное дополнение к изящным развлечениям и искусствам, существуют до сих пор в чайных школах Японии. С помощью этих особых ритуалов, установленных в чайном искусстве с целью тренировки духовных и физических способностей,

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

отрабатываются навыки, необходимые в проведении чайной церемонии. Они включают в себя следующие церемонии:

花月 *кагэцу* (букв. «цветы-луна»);

且座 *сядза/садза* (букв. «немного посидеть»);

廻り炭 *мавари-дзуми* (букв. «уголь по кругу»);

廻り花 *мавари-бана* (букв. «цветы по кругу»);

茶カブキ *тя-кабуки* (букв. «чайное представление *кабуки*»);

一三 *ити-ни-сан* (букв. «один-два-три»);

員茶 (数茶) *кадзу-тя* (букв. «чай для большого количества человек»).

Анализ этих церемоний убедительно подтверждает взаимосвязь ритуала, игры и сакрального действия. С другой стороны, на примере «семи ритуалов» можно выявить взаимовлияние эстетических категорий, принятых в элитарных искусствах чая, составления благовоний и цветочных композиций, являющихся подлинными национальными культурными символами.

А.Ю.Иванов

(ДВГГУ, Хабаровск)

***Историография Кореи о японско-корейских отношениях
в древности и Средневековье***

Корейские ученые начали заниматься историей корейско-японских историко-культурных связей только после освобождения страны от японского колониализма. Северокорейские ученые в своих трудах основное внимание уделяли взаимоотношениям между древними государствами Кореи и Японии, взаимопроникновению культур юга Корейского полуострова и Японских островов, а также гипотезе о вторжении северных кочевых племен через Корею на архипелаг. Наиболее известными учеными КНДР, сделавшими значительный вклад в изучение культурных и исторических контактов между двумя восточными государствами, являются Ким Сок Хён и Лим Джон Сан. Именно Ким Сок Хён, ссылаясь на неправильную интерпретацию японскими учеными древних текстов, впервые попытался опровергнуть устоявшееся мнение, что корейские государства издревле платили дань Японии.

Больших успехов в изучении проблемы взаимодействия корейской и японской культуры добились южнокорейские ученые, которые в первые годы становления исторической науки в Корею шли в фарватере японских и западных ученых. Так же, как и ученые КНДР, южнокорейские исследователи (Ли Хон Джик, Ян Бён До) большое

внимание уделяли древним корейско-японским отношениям на основе исторических летописей Кореи и Японии.

Полученные корейскими археологами в южных районах Корейского полуострова материалы к началу 70-х гг. XX в. позволили говорить об активном участии корейских государств в формировании японского общества и японской культуры. Более того, многие корейские ученые поднимают вопрос прямого заимствования достижений корейской культуры японцами посредством вывоза с территории Кореи материальных ценностей и мастеров.

В последнее время южнокорейская историография обращает особое внимание на отношения двух древнекорейских государств, Пэкче и Силла, с японским государством Ямато. Среди работ южнокорейских ученых, посвященных социокультурному взаимодействию Японии и Кореи, особый интерес представляют исследования Ли Джон Мёна, рассматривавшего распространение материковой культуры на Японских островах в связи с массовыми миграциями переселенцев с Корейского полуострова. Кроме того, некоторыми южнокорейскими учеными была активно поддержана теория японских историков о проникновении через Корейский полуостров на Японские острова «племен-всадников».

В.Ю.Климов

(ВФ СПбГУ)

Собрание рукописей и ксилографов «Момидзияма бунко»

История создания современных японских архивов связана с историей становления японского государства. Архивы вобрала в себя известные коллекции рукописей и ксилографов. Наиболее известная из них «Момидзияма бунко» (), которая берет свое начало с личной библиотеки Токугава Иэясу (, 1542–1616). Первоначально она хранилась в замке Эдо в помещении Фудзими-но тэй (), соответственно коллекция получила название Фудзими-но тэй бунко ().

Токугава Иэясу большое внимание уделял изданию книг. Они также вошли в коллекцию Фудзими-но тэй бунко.

В 1633 г. была учреждена должность сёмоцу бугё: (). В его обязанности входило обеспечение должного хранения рукописей и ксилографов, карт, схем, обработка информации, контроль за выдачей литературы, реставрация материалов в случае необходимости. В помещениях следили за влажностью, своевременно проветривали хранилища. Подчинялся руководитель архива непосредственно одному из вакадосиёри (), который в свою очередь находился в

подчинении у родзю: (), которые в свою очередь подчинялись лично сёгуну. То есть сёмоцу бугё занимал достаточно высокое положение в иерархии.

В 1639 г. под хранилище было выделено другое здание на территории замка Эдо на месте Момидзияма, поэтому стало называться Момидзияма бунко.

Много сделал для Момидзияма бунко восьмой сёгун Токугава Ёсимунэ (, 1684–1751). По его приказу собирались и копировались по всем провинциям рукописные книги, закупалась литература через Нагасаки за рубежом, особенно в Китае. Многие даймё жертвовали из своих коллекций редкие рукописи.

Собрание Момидзияма бунко создавалось как личная библиотека сёгуна. Однако при официальном запросе и получении на это разрешения материалы выдавались также родзю: , всем бугё: () военного правительства, ученым, находящимся официально на службе (гакуся), личным вассалам сёгуна (хатамото) и представителям отдельных княжеств (хан).

После незавершенной буржуазной революции Мэйдзи-исин архив Момидзияма бунко был переподчинен высшему органу исполнительной власти Дайдзё:кан (). Позже – кабинету министров (Найкаку бунко). В 1971 г. был учрежден орган, подчиненный премьер-министру страны: Государственный архив (Кокурицу ко:бунсёкан). В настоящее время вышеназванный архив самостоятельное юридическое лицо (докурицу гё:сэй хо:дзин).

С.И.Марахонова
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

Дневник С.Г. Елисеева из Архива востоковедов ИВР РАН

Имя япониста, крупного знатока японской литературы и дальневосточного искусства С. Г. Елисеева долгое время замалчивалось на родине, потому что в 1920 г. ученый эмигрировал из России. Вся его дальнейшая жизнь и научные достижения связаны с Францией и США, где ученый активно работал в известнейших университетах, таких как Сорбонна и Гарвард. В Гарварде он проработал более двадцати лет и именно там раскрылся его талант преподавателя и оказалась востребована его блестящая подготовка в области японистики и китаеведения. Елисеев считается основателем американской школы востоковедов-дальневосточников.

На русском языке существует крайне мало материалов о его жизни и научных достижениях. Его письма и дневниковые записи были опубликованы не так давно – в 1993 и 1999 гг., но его дневник,

находящийся в Архиве востоковедов ИВР РАН, остается неизвестен до сих пор.

Этот небольшой дневник, относящийся к январю и частично марту 1919 года, служит интересным историческим источником. Ценность его не только в передаче событий тех лет (иногда в искаженном виде), но и в рассказе о знакомых Елисееву людях, связанных с историей Петроградского университета, Азиатского музея и, прежде всего, с русским востоковедением.

Изучение дневника помогает не только восстановить линию жизни самого С.Г. Елисеева, но и погрузиться в культурно-историческую атмосферу первых послереволюционных лет, посмотрев на происходящее глазами непосредственного очевидца и участника описываемых событий.

Ю.Д.Михайлова
(Муниципальный университет г. Хиросима, Япония)
Русско-японская война в японской историографии

В 2004–5 гг. в связи со столетием русско-японской войны в Японии прошли многочисленные конференции на данную тему и опубликованы сборники статей. В настоящем выступлении анализируются старые и новые подходы в исследованиях русско-японской войны. После непродолжительного начального периода 1906–10 гг., когда оценка событий была весьма сдержанной, в официальной историографии начались героизация и приукрашивание войны, продолжавшиеся вплоть до 1945 г. В послевоенный период японские марксисты сначала оценивали войну как порождение системы абсолютизма, а в 1960–70-е гг. стали смотреть на нее как войну империалистическую. Поскольку русско-японская война считалась отправным моментом агрессивной политики Японии, то стоял вопрос о том, как соотносить эту политику с относительно удачной модернизацией периода Мэйдзи и как объяснить не только отсутствие противодействия войне со стороны народа, но и активно выраженный на массовом уровне национализм. Фоном для постановки подобных вопросов были еще не изгладившаяся из коллективного сознания память о поражении Японии во Второй мировой войне, обеспокоенность в связи с развернувшимися в 1960-е гг. студенческими волнениями, быстрый экономический рост.

В 1980-е гг. стала доминировать положительная оценка войны как фактора создания единого национального государства, в том смысле, что распространение транспортных технологий и СМИ способствовало развитию периферийных регионов, созданию единого национального языка и унификации системы мышления.

В последнее время наблюдается более разнообразный подход к проблематике: исследования не замыкаются на определении места войны в историческом процессе. Скорее исследуются отдельные аспекты в жанре популярных нынче подходов, таких как постколониализм (взгляд на войну со стороны Кореи и Китая), cultural studies (интерес к визуальной продукции, репрезентациям и образам, стремление понять не события как таковые, а их отражение в сознании и исторической памяти), гендерная теория (отказ от взгляда на национализм, образование национального государства, современную войну как исключительно «маскулинные явления», исследование роли в них женщин). Таким образом, русско-японская война в целом более связывается с проблемами, волнующими людей сегодня.

*А.И.Мотрохов
(ХНПУ, Харьков)*

О толковании некоторых песен буддийского содержания в японской поэтической антологии «Манъёсю»

Заимствование буддизма в период Нара проявилось и в том, что после составления первой японской поэтической антологии «Манъёсю» в ней оказалось определенное количество песен, в которых в той или иной степени были затронуты идеи буддизма.

Толкованию некоторых из этих песен посвящены работы российских японистов А.Е.Глускиной и В.Н.Горегляда. В данной работе предпринята попытка дать толкование некоторым песням буддийского содержания, которые не нашли отражения в работах указанных выше авторов.

Одной из первых песен, имеющих отношение к буддизму, являются песни Сётоку-тайси, помещенные в исторической хронике «Нихон сёки» (св. 22) и «Манъёсю» (т.3, № 415). По своему содержанию эти песни тесно связаны с песнями, содержащимися в «императорских записях о господине Закона (Будды) Сётоку из дворца Камицумия», а также с преданием об этой песне, содержащимся в «Нихон рёики». Несмотря на отсутствие в них буддийских терминов и выражений буддийской мысли, они все же являются буддийскими по содержанию, т.к. раскрывают образ нового типа человека – «человека сострадательного», который появился с приходом буддизма.

После принятия буддизма японцы попали под сильное влияние концепции брэнности бытия, что отразилось на содержании песен в «Манъёсю». В этих песнях отсутствие надежды в брэнном мире воспето эмоционально и восторженно, поскольку эта концепция, как оказалось, соответствовала эстетическому восприятию японцами бытия. В

приведенных песнях человеческая жизнь уподобляется увядающей осенней листве, убывающей и прибывающей луне, исчезающей и опять появляющейся пене на поверхности реки, пенистому следу за кормой ладьи и др.

Таким образом, судя по содержанию приведенных выше песен, японцы воспринимали буддийскую концепцию бренности бытия и сам бренный мир через конкретные факты его проявления.

В.В.Назарова
(*Армавирский ГУ, Армавир*)
**Анализ гендерных отношений в современной Японии:
историография вопроса**

В современной науке гендерные исследования вызывают особый интерес. В данном направлении можно говорить о сильно и слабо изученных проблемах. Безусловно, к последним можно отнести и гендерные отношения в современной Японии.

Среди отечественных авторов особое внимание заслуживают диссертации советских историков: Т.А. Рассошенко «Семья и семейная система в политике и идеологии Японии» (1978 г.) и М.Е. Христофоровой «Современные тенденции в женском движении Японии» (1989 г.), Н.М. Чалыковой «Положение трудящихся женщин Японии в условиях НТР» (1978 г.). Стоит отметить тот факт, что несмотря на отсутствие в тот период гендерного направления в исторических исследованиях, указанные работы во многом отражают японскую реальность с учетом полового фактора. Нельзя не отметить и монографию И.А. Латышева «Семейная жизнь японцев».

Большинство российских исследователей затрагивают проблемы положения современной японки (и демографические вопросы в целом) (Тихоцкая И.С., Молодякова Э.В., Матрусова Т.Н., Маркаръян С.Б. и др.). Практически отсутствует материал по мужскому движению в Японии, понятию маскулинности в данной стране.

В зарубежной историографии изучение гендерных отношений в Японии занимает одну из ключевых позиций.

Важным для понимания заявленной темы являются труды Кэйо Ивао Сумико (Iwao Sumiko. *The Japanese Women*, 1993; *Men and Women at Work Challenges for Japanese Companies*, 1997). Отличаются фундаментальностью и работы А.Е. Имамуре, О. Наохиро. Стоит отметить, что в Японии очень сильные традиции женских и гендерных исследований. Еще в 1966 г. свет увидела работа Моросава Ёко «*Онна но рэкуси*» («История женщины»). Регулярно издаются работы, посвященные проблемам положения женщин в стране и гендерному

равенству. Например, «*Фудзин юкэнся*» («Женщина – избиратель»), «*Дзёсэйси*» («Женский голос») и др.

Историографический анализ работ, посвященных гендерным отношениям в Японии, подробно дается в монографии В. В. Назаровой «Гендерные отношения в японском обществе во второй половине XX века» (2007 г.).

Для изучения ситуации в 2000-е годы неоценимым является ежегодное издание «*Women in Japan Today*», электронные варианты которого помещены на Гендерном информационном сайте Японии (<http://www.gender.go.jp/index.html>). Помимо статистики, отчетов министров и программ партий, журнал содержит статьи ведущих специалистов по вопросам гендерного равенства.

Е.М.Османов
(ВФ СПбГУ)

***Японские деньги на Дальнем Востоке России
в годы русско-японской (1904–1905) и гражданской (1918–1923) войны***

На сегодняшний день отечественной историографией накоплен большой информационный багаж сведений о дальневосточном соседе России – Японии. К сожалению, вопросы, относящиеся к некоторым «вспомогательным» историческим дисциплинам, в том числе нумизматике и бонистике, остаются за рамками серьезных научных исследований. Вместе с тем, изучение некоторых проблем, относящихся к вышеозначенной теме, позволяет более полно представить определенные этапы не только исторического пути Японии, но и русско-японских отношений в важнейшие для истории нашей страны периоды. С этой позиции весьма интересным представляется вопрос об истории обращения японских денег на Дальнем Востоке России в годы русско-японской (1904–1905) и гражданской (1918–1923) войн.

За исключением нескольких статей в узкоспециализированных журналах и одной монографии, увидевшей свет в 20-е гг. прошлого столетия, данная тема практически не поднималась отечественной историографией. Вместе с тем, анализ попыток японских финансовых организаций внедрить с помощью военного командования японскую иену на территории Манчжурии и сопредельных с ней территориях Российской Империи в годы русско-японской войны, равно как и подобных попыток, предпринятых в годы гражданской войны и японской интервенции на Дальнем Востоке, представляет несомненный научный интерес в деле изучения экономической составляющей присутствия японских войск на территории России. Необходимо отметить, что помимо «централизованного» (из Токио) внедрения

отпечатанных в японских типографиях специальных денежных знаков в финансово-кредитную систему российского Дальнего Востока, призванных подорвать местную систему финансово-хозяйственного оборота, выпуском суррогатов денежных знаков занимались и частные представители торговых корпораций Японии, деятельность которых в ряде городов (Владивосток, Николаевск-на-Амуре) приобрела довольно большие масштабы. Стоит отметить, что эти суррогаты пользовались большой популярностью среди местного населения, поскольку гарантией их «твердости» служили не какие-то неизвестные военные формирования, а конкретные товары в японских лавках.

Таким образом, японская интервенция носила не только военный, но и ярко выраженный экономический характер. Прекрасно понимая, что лучшим атрибутом экономического успеха является эмиссия своих собственных денег, японская администрация и представительства банков принимали все меры к скорейшему внедрению этих денежных знаков в финансовый оборот Дальнего Востока.

Главным доказательством успеха японской кампании стало не только увеличение на рынках Дальнего Востока количества выпущенных денежных знаков и их разнообразия, но и тот факт, что к концу 1920 г. иена и частные денежные знаки японских торговцев фактически приобрели значение основной денежной единицы региона. Полностью устранить влияние японской валюты на Дальнем Востоке удалось лишь к весне 1923 г., то есть через четыре месяца после окончания японской интервенции и освобождения Приморья в октябре 1922 г.

А.Ю. Сеницын
(МАЭ РАН (Кунсткамера), СПб)

***Японский меч тати из собрания цесаревича
Николая Александровича Романова как специфический
исторический, этнографический и музейный памятник***

Японское собрание МАЭ РАН обладает большой и разносторонней коллекцией предметов, переданных музеем в 1893 г. от имени наследника российского престола великого князя Николая Александровича Романов (с 1895 г. – императора Николая II). Коллекция эта имеет особое значение, ибо была привезена из знаменитого «Путешествия на Восток» в 1891 г., и среди составляющих ее предметов есть немало настоящих шедевров традиционного японского искусства.

Один из таких предметов – меч *тати* с инвентарным номером 312–72. Этот меч является прекрасным образцом традиционного

японского художественного меча с клинком XIV в. с подписью мастера *Ундзи*, одного из основателей школы кузнецов *Укаи* (буквально – «рыбная ловля с помощью бакланов») и восходит к традиции прославленных мастеров Ко-Бидзэн – Итимондзи и Осафунэ Кагэмицу. Дорогая оправа (*косираэ*) этого меча, выполненная, скорее всего, в середине XIX в., относится к типу *итомаки кадзари тати* – «подарочный однолезвийный длинный меч с ножнами, [частично] обмотанными шнуром». Ножны меча покрыты золотым лаком и лаковым же изображением герба – *го-сан кири* (лист павлонии с тремя цветками по краям и пятью в центре), который использовался, в частности, для маркирования статусного подарка от лица очень высокого социального уровня, но не от имени самого императора.

К сожалению, имеющиеся музейные материалы никак не комментируют обстоятельства приобретения этого меча Николаем Александровичем Романовым. Однако некоторый свет проливает одна из деталей оправы меча, а именно серебряный *хабаки* с золотым дизайном *мару-ни мицуба аои* – «трилистник мальвы в круге». Этот дизайн был официальным фамильным гербом рода Токугава. Первым главой дома, не имевшим после событий Мэйдзи исин статус сёгуна и получившего статус *ко:сяку*, т.е. герцога, был Токугава Иэсато (1863–1940), активный мэйдзийский политик и член Палаты пэров с 1890 г. и ее глава с 1901 г. Представляется весьма вероятным, что этот меч в числе других подарков Николаю Александровичу (самурайское оружие и доспех), маркированный гербом дома Токугава, могли быть сделаны именно Токугава Иэсато.

М.В. Строева
(ВФ СПбГУ)

Санкт-Петербургский договор 1875 г.
(на основе документов АВПРИ и архива МИД Японии)

С 1874 г. в Санкт-Петербурге начала действовать японская дипломатическая миссия на постоянной основе (во главе с посланником Энмото Такэаки¹), которая в 1908 г. приобрела статус посольства, а глава миссии получил ранг посла.

Основной целью миссии 1874 – 76 гг. являлось заключение договора относительно территориальной принадлежности Сахалина и Курильских островов. В результате переговоров, длившихся с июня

¹ Энмото Такэаки (1836–1908) – чрезвычайный и полномочный посланник в России до 1878 г.

1874 г. по май 1875 г., был подписан так называемый С.-Петербургский договор 1875 г. об обмене Сахалина и Курил.

Непосредственно переговорный процесс можно проследить по документам, представленным в АВПРИ и архиве МИД Японии.

Документы АВПРИ представляют несомненный интерес. Документы, имеющие отношение к С.-Петербургскому договору 1875 г., хранятся в следующих фондах этого архива: фонды № 150 (Японский стол, 1824 – 1926 гг.), № 161 (С.-Петербург, Главный архив, I–1), № 195 (Посольство в Токио, 1870 – 1923 гг.), № 268 (Консульство в Нагасаки, 1858 – 1925 гг.) и др.

Документы архива МИД Японии по данному договору, помимо традиционного бумажного формата, хранятся и в электронном виде на сайте Японского центра азиатских исторических документов¹ в 4 частях (дело № 1–0315) и хронологически охватывают период с января 1874 г. по июнь 1876 г. Каждая часть представляет собой отсканированные листы документов, которые являются одним делом с полистовой и постраничной нумерацией: 1 часть – лл. 0248 – 0298, с.1–101; 2 часть – лл.0299 – 0357, с.102–219; 3 часть – лл.0358 – 0415, с.220 – 335; 4 часть – лл.0416 – 0474, с.336 – 453. Дата создания 01.08.1929 – 31.08.1929 гг. Следует отметить, что данные документы представлены в печатном виде. Рукописные оригиналы датируются 1874 – 1876 гг.² Основными авторами являются Эномото Такэаки, Сандзё Санэтоми³ и Тэрадзима Мунэнори⁴.

Вышеназванные документы позволяют не только детально изучить историю переговоров 1874 – 1875 гг., но также дать достаточно объективную оценку С.Петербургскому договору в целом.

¹ www.jacag.go.jp () Полная подборка документов об обмене Сахалина и Курильских островов // Дипломатические исторические документы по ситуации относительно обмена Сахалина и Курильских островов, том.2 Коды В03041127300 (1–2 части), В03041127500 (3 часть), В03041127600 (4 часть).

² Документы в рукописном виде хранятся отдельно, являясь частью дела №1–0312.

³ Сандзё Санэтоми (1837–1891) – государственный деятель, в 1870-е гг. входил в правительство.

⁴ Тэрадзима Мунэнори (1832–1893) – в 1870-е гг. был министром иностранных дел.

*А.В. Филиппов
(ВФ СПбГУ)*

Токугава Ёсимунэ: сёгун и его сподвижники в политике реформ

Токугава Ёсимунэ (правл. 1716–1745) вершил судьбы страны на протяжении трети столетия и вошел в историю благодаря «реформам годов Кёхо». Прежде чем стать сёгуном, он уже имел славу «мудрого правителя», 12 лет управляя княжеством Кию. Будучи сам колоритным персонажем (его нередко называли «рисовый» сёгун), Ёсимунэ сумел подобрать группу талантливых сподвижников.

При трансформации команды центра он избежал потрясений и обеспечил преемственность, сохранив позиции прежних старейшин родзю: Иноуэ Масаминэ, Абэ Масатака, Цутия Масанао, Кудзэ Сигэюки, Тода Тададзанэ. Опале подвергли лишь двоих: Манабэ Акифуса и Араи Хакусэки.

С самого начала сёгун прибыл в столицу с группой верных вассалов. 20 из них составили костяк лиц, собиравших достоверную информацию, а сёгун лично контролировал дела, выносил суждения при назначениях, выделяя достойных. Ключевые позиции заняли «посредники» сёгуна гоё-торицуги: Арима Удзинори и Кано Хисамити. Поиск способных привел к выдвижению справедливого и мудрого в судебных решениях Оока Тадасукэ, известнейшего градоначальника Эдо. Занимаясь регулированием потребительских цен, перечекалкой монеты, он добился стабилизации финансовой сферы. Привлекли плеяду талантов и к совершенствованию системы права: Огю Соситиро, Фуками Кюдаю, Нарусима Дотику. После 1735 с уходом из жизни Арима Удзинори, по ряду финансовых причин ушел в отставку и Оока Тадасукэ. Тогда в лидеры реформ при совмещении с функциями старейшины по финансам был выдвинут Мидзуно Тадаюки. Появились и новые лица. Так, Мацудайра Норисато (впоследствии отстранен) достиг вершин власти вместе со своим ставленником Каньо Харухидэ. Последнему часто приписывается известная фраза: «Крестьян да кунжутное масло: если выжимать – выжимается, как жмешь». Жестокий вымогатель, но величайший из казначеев – он добился максимума в налоговых сборах.

Эпохальная фигура Ёсимунэ и его политика по «укреплению служебной дисциплины», приведению доходов служащих в соответствие с способностями, выдвижение «способных», «продвижение достойных» – привлекают внимание. Трудно вкратце описать круг его сподвижников, но и пробудить интерес к плеяде талантливых соратников великого сёгуна – уже достойный результат.

М.В.Щепетунина
(Осакий Университет, Япония)
Отражение шаманизма в японской мифологии:
анализ мифологических сборников «Кодзики» и «Нихонсёки»

Японский шаманизм, как об этом писал еще Мирча Элиаде в «Шаманизм. Архаические техники экстаза», отличается от классического шаманизма североазиатского или сибирского типа. Это, прежде всего, техника одержимости духами умерших, практикуемая почти исключительно женщинами мико.

Одним из способов проследить особенности древнего шаманизма, каким он был до распространения буддизма и последующих социально-культурных трансформаций, является анализ мифологических сборников. Несмотря на то, что мифологические сборники «Кодзики» (712) и «Нихонсёки» (720) были записаны, когда буддизм был достаточно широко распространен в Японии, и создавались они, как это признается большинством японских и русских исследователей, с политической целью, в данные сборники вошли легенды, передававшиеся издревле и отражающие мировоззрение, существовавшее задолго до составления самих текстов. Объектом исследования являются мифы первого свитка «Кодзики», повествующие о мире богов, до появления первого императора, а также соответствующие им тексты «Нихонсёки».

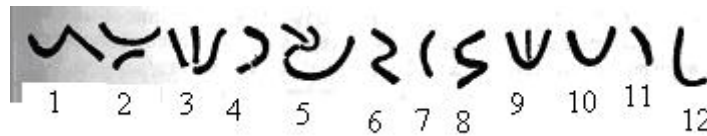
Данное исследование проводилось методом структурного анализа, предложенным К. Леви-Строссом в рамках изучения особенностей и функций мужских и женских божеств. Этот анализ позволил выделить ряд сюжетов, в которых божества исполняют религиозно-ритуальную функцию и сами выступают в роли шамана. В таких случаях главными действующими лицами являются женские божества, что соотносится с традицией женского шаманизма в Японии. Однако, помимо образа мико среди женских божеств, нам удалось выделить черты шамана и у мужских божеств, как то: путешествие в мир умерших, приоритет хитрости над силой, наличие животного-помощника и другие. В мифах мы видим отображение женского шаманизма в легендах Ямато и мужского – в легендах Идзумо, которые различны по своему типу. Если для первого главным элементом является вселение духа, божества, то для второго – путешествие в иной мир. Можно говорить о наличии в мифах следов классического шаманизма наряду с традиционным японским женским шаманизмом.

Alexander Akulov
(Русская Христианская Гуманитарная Академия, СПб)

Some Intermediate Results of Nagano Mask Inscription Deciphering

Graphic artifact from the mask originating from a Kamegaoka Nagano site (see the picture) meets formal criteria of a writing system¹: it is put in order and shows non-rhythmic repetition. As far as all graphemes of the inscription are pretty simple I can suppose that this writing system doesn't use many signs. It seems that Nagano system can be syllabic system or an alphabet.

There were about 16 phonemes and only CV and CVC structure syllables were permitted in the Upper-Jomon Ainu. (According to Tamura Suzuki V and VC structure syllables were CV and CVC structure syllables 'cause they began with a glottal stop.) Alphabet is the most convenient writing system for language with such phonotactics. According to formal criteria Nagano writing system can be Ancient Ainu writing system. If Nagano writing system was used by Upper-Jomon Ainu it is definitely an alphabet. Comparison of Nagano system with other known writing systems showed that Nagano system is an original one.

Nagano mask inscription definitely is a completed utterance. Then having known that only CV and CVC syllables are permitted I can define possible syllabic structure of this phrase. It is supposed that there are 12 signs in this inscription and that 3rd and 9th express the same phoneme.

Reading from left to right:

- 1) CVC CVC CVC CVC
- 3) CVC CVC CV CV CV
- 4) CV CV CV CVC CVC
- 7) CV CVC CVC CV CV
- 9) CVC CV CVC CV CV

Reading from right to left:

¹ Акулов А.Ю. Предварительное сообщение об открытии письменности древних айну // Материалы научной конференции, посвященной 110-летию основания кафедры японоведения Санкт-Петербургского университета. СПб., 2008, с. 106–120 (picture); Tamura S. *The Ainu Language*, Tokyo, 2000.

- 10) CVC CVC CVC CVC
- 11) CVC CV CV CV CVC
- 12) CV CVC CVC CV CV
- 13) CVC CV CV CVC CV